

1. Перечитывая показания Достоевского следственной комиссии по делу петрашевцев, я воспринял, как странно знакомые, недавно где-то читанные или слышанные, его рассуждения о двух направлениях в литературе — газетном и истинно художественном. Рассказывая о своем разрыве с Белиевским, Достоевский противопоставлял описание газетных фактов, к чему якобы сводил литературу его идеального противника, такое искусство, которое «не нуждается в направлении», ибо служит «само себе целью», и поэтому «автор должен только хлопотать о художественности, идея придет сама собой». (Заметим в скобках, что именно Достоевский в своей творческой практике действовал диаметрально противоположно, исходя из идеи, которая, в сущности, во многом была ложной идеей.)

Впечатление странного знакомства с этими мыслями оказывалось справедливым, когда я вспомнил противопоставление тенденциозности и художественности, которое содержится в рассуждениях об «Уроках Стендала». Ведь там мы читали, что «быть тенденциозным в искусстве вовсе не значит произвольно смещать пропорции и подчинять поступки героям идеи романа... Смещая пропорции, изменяя перспективы, писатель повинуется строгим законам художественной правдивости» (Выделено мною). — М. Г.).

В этих словах — мысли, совершенно сходная с принципиальным положением Достоевского: художественность есть первичное, идеиность — производное от нее, вторичное. В действительности же, как свидетельствует реальная, а не выдуманная история литературы, дело обстоит как раз наоборот. Правда, можно сослаться на «искусство для искусства», которое якобы лишено идей, и на национализм, который берет действительность, как она есть, и воспроизводит ее, не мудрствуя лукаво. Но эти ссылки на безыдейность, аполитичность и на объективизм совершенно несостоятельны.

Аполитичность и безыдейность буржуазного «искусства для искусства» есть на деле ширма для буржуазной идеиности — это давно известно. Идеиность не составляет и современное абстрактное искусство, казалось бы, на чисто личном содергании: его содержание — буржуазный страх перед действительностью, бегство от жизни, стремление увести мысль в пустыню абстракций, подальше от великих революционных потрясений нашего времени...

Что же касается объективизма, то есть изображения действительности как простой суммы фактов, без их осмысливания — это давно известно. Идеиность не составляет и современное абстрактное искусство, казалось бы, на чисто личном содергании: его содержание — буржуазный страх перед действительностью, бегство от жизни, стремление увести мысль в пустыню абстракций, подальше от великих революционных потрясений нашего времени...

Однако, если бы мы согласились с положением Достоевского, что, дескать, была бы художественность, а идея придет сама собой, то тем самым неизбежно заняла бы объективистскую позицию. В справедливости такого утверждения убеждает нас и опыт итальянского неореализма. Это художественное направление итальянского кино по своим устремлениям прогрессивно. Оно критикует послевоенную действительность Италии. Но теперь, после более чем десятилетнего существования неореализма, становится очевидным и его ограниченность, и его недостатки. Теоретики неореализма говорят:

«Реалисту с прилагательными (католический, социалистический, исторический) мы всегда предпочитаем неореализм, в силу того соображения, что нас на страницах действительности, какова она есть, и что мы знаем, если мы ей верны, что она есть единственная истина, которой можно из нее извлечь...»

А это и есть если не отрицание необходимости для художника занимать ясную идеиную позицию, то, во всяком случае, низведение роли мировоззрения в художественном творчестве до степени второстепенного, производного фактора.

Мы не станем говорить еще и о том, что на теоретической концепции неореализма, на наш взгляд, смыкается с натурализмом (кстати, это признал в своем споре с Феллини видный представитель неореализма Линдзани). Нас сейчас интересует то, вольная или невольная, сознательная или бессознательная защита объективизма, которая содержится в теории этого творческого направления и реализуется в его художественной практике.

При всех своих достоинствах фильмы неореализма, за немногими исключениями, подчищены именно этой задаче: показать «действительность, как она есть», и потому не выражают боевой политической позиции в борьбе со страшным миром бесчеловечности, против которого они восстают. Авторы этих фильмов попадаются на то, что жизнь сама по себе есть наилучший урок. Если бы это было так, то классовая, политическая борьба угнетенных классов против эксплуататоров была бы делом простым и легким. Во всяком случае, можно было бы отказаться от боевых политических партий и ясных политических программ.

Ленин в гениальной работе «Удержать большевиков государственную власть?» рассказывает эпизод, имевший место в июле 1917 года, когда Владимир Ильин вынужден был скрываться в подполье: «В далеком рабочем предместье Петрова, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Козин говорит: «Смотрите, какой прекрасный хлеб! «Он» не смеет забыть, что могут дать в Петре хороший хлеб». Ленина поразила эта

ПРЕДСЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Объективизм и тенденциозность

◇
М. ГУС
◇

НИЮЛЬСКИХ дней: «представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет призы за рога, с той удивительной простотой и прямотой, с той твердой решительностью, с той поразительной яростью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как из звезды небесной, далек». Этот маленький эпизод, нам думается, прекрасно поясняет, что такое тенденциозность и почему она противоположна объективизму! Ясная, точная классовая позиция в подхоже к любому факту действительности — это и есть та тенденциозность, к которой призывал Энгельс в известном письме к М. Каутскому...

И вот, если так подойти к неореализму, то нельзя не видеть, что присущий ему объективизму и составляет его серьезный недостаток. К сожалению, эта слабость неореализма иной раз у нас воспринимается как достоинство, и подражатели неореализма стараются следовать его художественным чертам.

В самом деле, ведь унования на то, что действительность сама по себе, какова она есть, даёт наилучшие уроки, равносильные мысли, что идея придет сама собой, если автор хлопочет только о художественности, и утверждение, что не следует подчинять поступки героям идеи романа. Все это — различные формулировки такого творческого метода, какой нельзя назвать иначе, как в той или иной степени объективистским.

В наше время, когда две системы стоят друг против друга и их мирное сосуществование является в то же время их соревнованием, когда идет ожесточенная идеологическая борьба между социализмом и капитализмом, невозможно ограничиваться только изображением реальных отношений, только воспроизведением действительности, не становясь открыто на чью-либо сторону или не выражая явно мысли о приближении гибели капитализма и неизбежной победе социализма. Новую Россию «строят», ведь классовую борьбу с нацизмом, пролетариат и его большевистская партия. Они исходят из субъективистских желаний, наименений, стремлений, а из реальных, объективных интересов и условий действительности. И Ленин писал:

«Становясь на эту точку зрения объективизма классовой борьбы, я никак не оправдываю действительности, а напротив указываю в самой этой действительности сами глубокие (хотя бы и невидимые с первого взгляда) источники и силы ее преобразования».

Не забудем о важнейшем принципиальном отличии нынешнего времени от той эпохи: мы живем в обществе социалистическом, где нет уже антигностических классовых конфликтов. Учита это, взгляну на авторскую позицию Л. Кабо (и не только одной Кабо) с точки зрения замечательного ленинского положения.

В изображении Л. Кабо (и в понимании Ушакова) новая школа строится в сложном процессе борьбы разных интересов. Борьба Ушакова с Чечевиным рассматривается как столкновение каких-то неясных, неопределенных, внешних по отношению к героям сил. А на деле борьба за перстайку школы ведет партия, ведет ее и против пигиалистов и ревизионистов, защищавших все, что у нас было и есть, и против догматиков, цепляющихся за вчерашний день, за старые ошибки. Этого главного нет в повести Л. Кабо.

Не «строится» школа, а партия ее представляет — достаточно встать на эту единственно правильную точку зрения, чтобы верно анализировать действительность, критикуя существующие недостатки, чтобы верно показать революционное развитие жизни.

Тот, кто не видит главного в нашей нынешней действительности — бурного роста народной активности, призыва творческих сил и быстрого движения вперед в результате верного политического руководства КПСС, тот не способен правильно оценивать и изображать и борьбу против недостатков, ошибок, отрицательных явлений. Ибо только с позиций партийности можно разобраться в перспективах нашего развития и, следовательно, в его изображении быть настоящим тенденциозным.

П. Нилина в «Жестокости» обрек на смерть своего героя Веника Малышева. Этот комсомолец с подлинной партийной душой не выстоял в столкновении с мерзостью Узелкова, с мелодраматизмом своего начальника. Веник погиб во имя морального, политического торжества того великого дела, которому он служил беззаветно и преданно. Были высказывания в критике сожаления, что автор так жестоко обшелся с героем. Самоубийство Веники рассматривалось чуть ли не как ународный, пессимистический конец... А нам кажется, что в трагическом финале повести П. Нилина столкновение страстей и действий дано не в пессимистическом, а в оптимистическом ключе.

2. Ищущий правду жизни молодой герой повести Любовь Кабо «В трудном походе» — деятели классики Жене Соколовой произносит такую фразу:

— Но-моему, все надо таким видеть, какое оно на самом деле есть...

Тут не только словесное совпадение с формулой неореализма, ту и мысль близка к основному теоретическому и практическому положению этого направления. К сожалению, среди части нашей молодежи — не без участия литературы, пресловутого «критического направления» — распространяется, в сущности, объективистское отношение к действительности.

— Позвольте нам факты, как они есть, без всяких там рассуждений, оценок, идей. Мы и сами разберемся, что к чему...

Плодом таких незрелых рассуждений, идей и оценок стала философия, вроде той, какую исповедует Женя Шульженко: все жизнь свет в черном свете, все отрица, ни во что не верить...

Герой повести «В трудном походе» педагогический учитель Виктор Васильевич Ушаков возражает Жене Соколову, призыва его анализировать действительность, внимание к сущности фактов и поэзии накинуть отрицательных явлений, порой весьма страшных, различать здоровую основу.

Увы, сам Ушаков в своем критике недостатков школы, в борьбе за их устранение не следует тем мудрым советам, какие дает Жене... Ушаков видит в школе только плохое, только отрицательное, отбрасывает то хорошее, за which она пришла к началу 50-х годов. За «деревянными» отдельными фактами он не может рассмотреть «леса» действительности в целом. Ушаков прав в своем споре с Чечевиным. Ушаков не может доказать, что школу необходимо было перестроить, тесно связав ее с практикой повседневного социа-

листического строительства, пропбщающей детям уже на школьной скамье к труду. Ушаков стремился к этому. Исторически он оказался в главном прав. Школа наша перестраивается теперь в том направлении сближения с жизнью советского общества, о котором говорил И. С. Хрущев на XIII съезде комсомола.

Но политический Ушаков был в очень многом неправ в то время, когда воевал против «Чечевиного». Он не отдавал себе ясного отчета в сущности борьбы партии против культа личности и его последствий. Он не видел, что эта борьба очень быстро приводит к мощному подъему народной активности, к приливу новых творческих сил. Этот процесс и является могучей силой, исправляющей все наши ошибки и недостатки. Ушаков поставил себя вне этого объективного процесса.

Но если бы ошибался только Ушаков, а автор стоял бы на верной позиции и раскрыл нам суть заблуждений героя, то все было бы в порядке. К сожалению, Л. Кабо не внесла в свое произведение необходимой тенденциозности, а, напротив, сама в значительной мере оказалась в плену объективистского изображения жизни.

Несколько дней назад состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

Фото С. Кулешова

Недавно в Баку состоялось торжественное открытие памятника выдающемуся азербайджанскому поэту и общественному деятелю Илье Звереву.

Бронзовая фигура поэта установлена на постаменте из темного полированного габардара. Автор скульптуры — заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР Дик Карапетян.

Помимо памятника на могиле классика азербайджанской поэзии Вагифа.

На снимке: у памятника Сабир.

ОПТИМИСТЫ ИЗ «ЛАЙФА» И БЕЗРАБОТНЫЕ

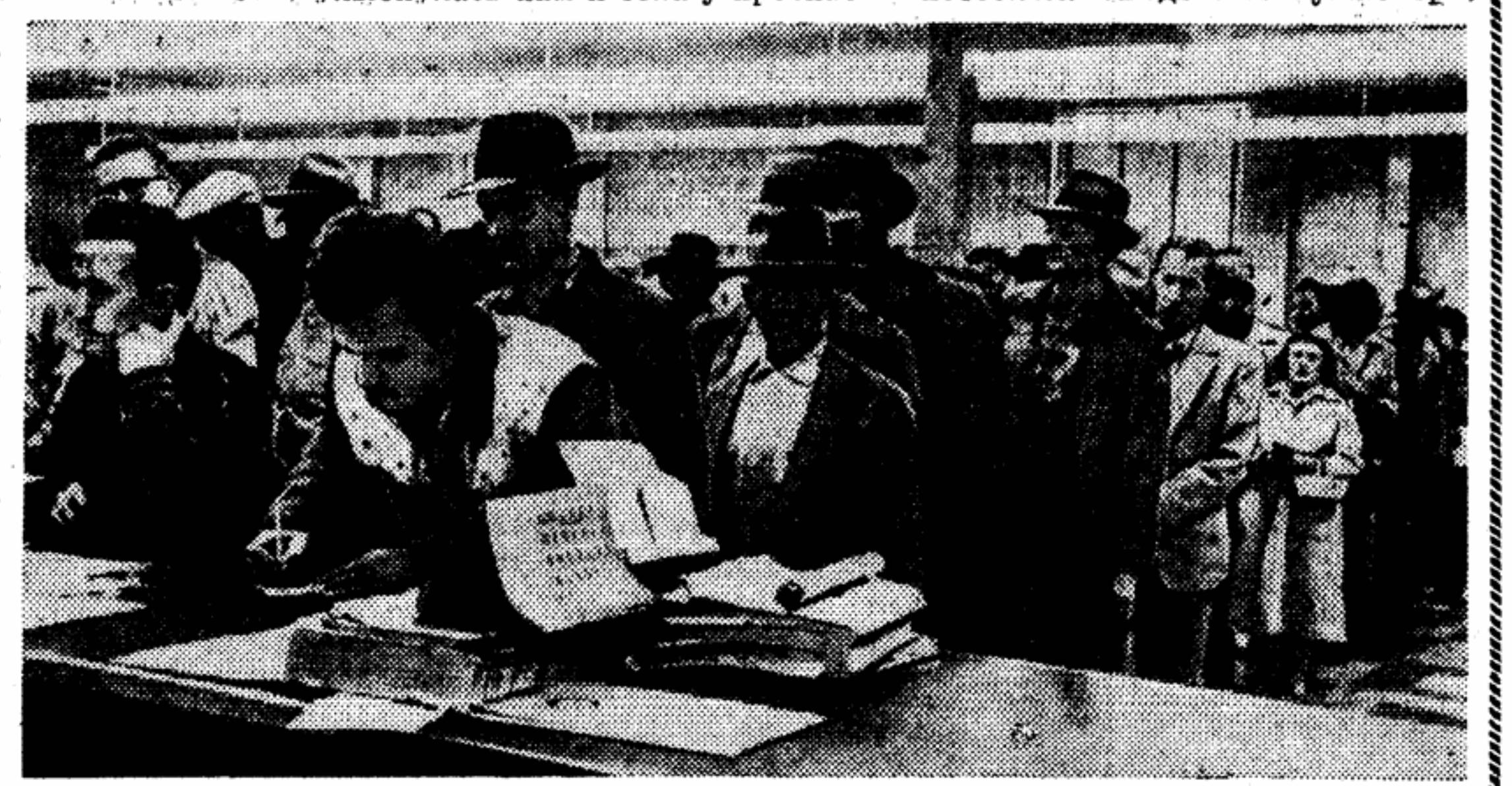

ФОТОГРАФИЯ, которую вы видите наверху слева, заимствована нами из журнала «Лайф». Улыбающиеся бизнесмены из города Канкаки (штат Иллинойс) несут на бревне человека, одетого во все черное. Это символическая фигура «Господина Уныния», которого оптимисты-промышленники хотят предать казни. Журнал «Лайф» в восторге. Он гордится этим «изобретательным ящиком» Иллинойса, который так здорово «поднимает дух» у публики во время нынешнего кризиса.

Однако этот разыгранный перед объективом фотоаппарата оптимизм вряд ли когда-нибудь обманет. Совсем не до сих пор миллионы американцев, которым оказались за воротами заводов без гроха в кармане. Вот другой снимок из майского же номера американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгзин». Посмотрите на эту очередь безработных, стоящих за чинским пособием в одном из бюро по оказанию помощи в Детройте. Угрюмые лица, печальные глаза. Нет, им совсем не весело, этим американцам. И неизвестно, скоро ли наступит конец их мучениям.

О таких вот людях, стоящих в очередях за пособием, и рассказывает в своих очерках в газете «Уоркер» журналистка Вирджиния Гарднер. Ниже мы приводим несколько отрывков из ее очерков.

В 9.30 утра в прошлый понедельник в бюро по оказанию помощи безработным, расположенному по адресу 250 Уэст Девитнадцатой улицы, пришло лишь немногим больше ста человек. «Сегодня легкий день», — сказал мне чиновник в справочном окне... Я села рядом с моложавым пурпуриником с открытым приятным лицом, который охотно отвечал на мои вопросы. Его имя Джордж Торрес. По профессии он механик, но теперь он уже никто. В течение пяти лет он работал на предприятии «Джонсон мэню-фэкчуринг компани». После трехмесячной забастовки хозяин закрыл предприятие и уехал в Пенсильванию. В течение 28 недель Торрес был без работы, а затем устроился в ресторан. «Вскоре, — рассказывает он, — наша квартира сгорела. Я прожил там десять лет, у нас была своя мебель, своя печка, все было свое. Но мы все это потеряли, даже одежду. Ничего не осталось. Хозяин не захотел сдавать нам большую комнату. После пожара Торрес стал беспомощным и таким рассеянным, что потерял работу в ресторане. Будучи не в состоянии жить на его пособие, жена отвезла их маленькую дочку и родственников к нам в Бронкс и пошла работать. Однако сейчас она тоже оказалась без работы.

ФЕЛЬТОН

РАШЕЛЬ знает толк в этом вопросе. Давайте же послушаем ее. Рынок авантюристки Рашиль, находящийся в Париже, часто вспоминает об Африке. Своему любовнику Антуану Тибо она с восторгом рассказывает о том, как хорошо и вольготно живется белому человеку среди черных.

— Ах, если бы ты только знал! — воскликнет она. — Какой свободой пользоваться там белые среди чернокожих!.. Никаких правил, никакого контроля!.. Перед всеми этими чернокожими ты там чувствуешь себя так же свободно, как здесь перед своей собакой...

Вслед за тем Рашиль говорит Антуану о том, что, по ее мнению, с черными не надо разговаривать, не надо тратить на них слова. Они обязаны понимать взгляд белого, движения его бровей.

Роман Роже Мартен дю Гар «Семья Тибо», в которой действует эта циничная представительница колониалистских кругов, рассказывает о событиях прошлого века. Но и сейчас ничего в романе не устарело — белые господа и их дамы продолжают до сих пор откоситься к цветным людям с презрением, как к низшей расе.

Правда, сейчас колонизаторы уже не ограничиваются, подобно Рашиль, одним движением бровей. Они снисходят до разговора с черными. Но разговор этот короткий, строгий и решительный. Причем каждая фраза белого должна неизменно заканчиваться крутым восклицательным знаком.

Для этой цели колонизаторы за последнее время выпустили в свет ряд разговорников. С помощью такого пособия белый человек, очутившись, например, в Черной Африке, должен чувствовать себя, как... Нет, не как до-

положной стены. Они обе ожидали здесь накануне. «Она работала на часовой фабрике 14 лет, а теперь она здесь...» — сказала миссис Диксон. — «Я не хочу слышать, когда некоторые говорят, что было бы лучше, если бы была война»...

На третьем этаже старого, похожего на сарай здания по 124-й улице находится «Благотворительный центр Св. Николая» — большая мрачная комната, где мумии и женщины, а частично и целые семьи сидят часами в надежде получить пособие.

Ряды скамеек были еще не заполнены, когда я вошла в комнату. Первая пара, рядом с которой я села, были Эдуард Родригес и его жена Кармен. Обоим им по 47 лет. Они впервые обращаются за пособием. Родригес, полировщик по металлу, уволенный в декабре прошлого года, улыбаясь, предложил поговорить с его женой, так как она поимет меня лучше. Однако он внимательно прислушивался к нашему разговору, оглядывая меня проницательными глазами. Изредка он делал замечания.

«Сегодня он получает свое последнее пособие по безработице, 24 доллара, — сказала мне миссис Родригес. — Он не работает уже четыре месяца. Вчера я решила, что мне нужно попытаться найти работу». — Она бросила взгляд на мужа, ища одобрения.

А пытались ли она раньше найти работу? «Да, конечно, но не национальной. Прибегнуть к помощи агентству? «О, нет, агентству нужно платить». В газете «Ла пренса» я нашла объявление о работе, но когда я пришла туда, там было уже переселено много народа. А работы не было».

Родригес смотрит прямо перед собой, в глазах его страдание. «На прошлой неделе я пошел на свою фабрику. Работы нет. Там теперь работает только три человека. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Когда я вошла в комнату, где предоставляют домашнюю работу, там уже сидели 39 человек. Я села рядом с женской-негритянкой с лицом камен, обрамленным седыми волосами. Она всплыла на металлическом грузовике, уже месяц не имеет работы. Накануне она пришла в «Благотворительный центр Св. Николая» с детьми и проходила целый день по никакой помощи не получила. Дети кричали и плакали, так как сегодня она попросила соседку присмотреть за ними.

Впервые за шесть лет, что она живет здесь, она обратилась за пособием.

«Ведь мне нужно три-

тысячи долларов в месяц.

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

«То и дело читаешь о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я читаю о самоубийствах, — сказала вдруг Торрес. — Люди кончат с собой из-за всего этого. У меня в голове все перевернулось». О замолчал, как будто забыл о своем приставании. Я направилась к выходу. Мимо меня по лестнице поднималась толпа людей...

Сейчас я